

Swietlana Waulina, Inga Lashkova
Bałtycki Uniwersytet Federalny im. I. Kanta
w Kaliningradzie

Текстовая функция экспликаторов ситуативной модальности в русском и литовском политическом дискурсе

Учет в современных лингвистических исследованиях человеческого фактора, играющего важную роль экстралингвистического компонента языковых преобразований, вызывает закономерный интерес специалистов к модальности как антропоцентрической категории, выявляющей „позицию адресанта по поводу определенного фрагмента картины мира”¹ и отражающей национальную ментальность. При этом заметный поворот к интенсивному изучению содержательной структуры языка дополняет традиционное понимание модальности ее текстовыми характеристиками, поскольку „категория модальности может быть вынесена за пределы предложения-высказывания – в текст и речевую ситуацию”². В этом случае становится отчетливым прагматический аспект данной категории, ибо „на передний план выдвигается сам акт коммуникации, т.е. для письменного текста – взаимоотношения автора и читателя”³. „Текст, – отмечает Михаил Дымарский, – позволяет представить картину мира в виде развернутой системы представлений, суждений, идей – то есть концепции, – в отличие от неразвернутых форм. Определенная концепция мира может скрываться, угадываться и за афоризмом, но она не явлена, не выражена: для того, чтобы представить эту концепцию в явной форме, необходим текст”⁴. В связи с этим исследователи едины в том, что только при учете

¹ И.Ю. Кукса, *Диахронический аспект изучения модальности публицистического текста*, [в:] *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению*, Калининград 2008, с. 171.

² В.Н. Мещеряков, *К вопросу о модальности текста*, „Филологические науки” 2001, № 4, с. 22.

³ И.Ю. Кукса, *op. cit.*, с. 171.

⁴ М.Я. Дымарский, *Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX веков)*, Санкт-Петербург 1999, с. 74.

функционирования модальности в тексте как продукте активной речевой деятельности человека возможен ее адекватный семантический анализ⁵.

Впервые модальность как текстовую категорию, формирующуюся под воздействием ряда экстралингвистических факторов (объект изображения, личность автора, особенности его мировосприятия и др.), обозначил, как известно, Илья Гальперин, представивший сущность категории модальности текста через ряд признаков: „субъективная по природе, в тексте она носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь неравномерно в разных фрагментах текста и выражаясь через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции автора, актуализацию отдельных частей текста и т.д.”⁶. При этом как только „предметом рассмотрения становится текстовая модальность, – отмечает Людмила Бабенко, – стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие”⁷. Такие случаи семантического варьирования, модального синкретизма, являющиеся результатом взаимодействия модальных пластов и значений и способом отражения реализованной коммуникации, позволяют трактовать модальность как одну из текстообразующих категорий, как силу, структурирующую, развивающую, формирующую концептуальное содержание текста⁸.

В аспекте вышесказанного вполне очевидно, что изучение модальности текста не может быть полноценным без рассмотрения авторской модальности, „скрепляющей все единицы текста в единое смысловое и структурное целое”⁹ и формирующейся „широкой системой модально-оценочных значений, содержащихся в различных структурно-смысловых элементах текстового пространства”¹⁰. Рассматривая модальность текста

⁵ См., например: В.Н. Мещеряков, *op. cit.*, с. 99–105; Т.В. Романова, *Категория текстовой модальности в функциональном аспекте*, [в:] *Русская словесность как основа возрождения русской школы*, т. 2, Липецк 2012, с. 163–169; А.И. Ткаченко, *Текстообразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе (на материале новостных заметок и аналитических статей)*, автореф. дис. канд. филол. наук, Калининград 2011.

⁶ И.Р. Гальперин, *Текст как объект лингвистического анализа*, Москва 1981, с. 115.

⁷ Л.Г. Бабенко, *Оценочный фактор в формировании модального пространства текста*, [в:] *Оценки и ценности в современном научном познании*, Калининград 2009, с. 134.

⁸ И.Ю. Кукса, *op. cit.*, с. 172.

⁹ С.С. Валгина, *Теория текста*, Москва 1998, с. 96.

¹⁰ О.В. Девина, *Семантическая доминанта как структурообразующий компонент авторской модальности (на материале поэмы А.Т. Твардовского „За далью – даль”)*, „Вестник Волгоградского государственного университета” 2011, № 1(13), с. 28.

как „языковое и речевое воплощение образа автора”¹¹, мы не разграничиваем термины „авторская модальность” и „текстовая модальность” и используем их в своей статье как синонимы.

С точки зрения выражения «авторства» интерес представляют текстовые источники политической направленности, где личностные характеристики и психологическое состояние автора (преимущественно – политика) значительно влияют на процесс убеждения адресата и побуждения его к политическим действиям. „В процессе политической дискуссии, в процессе обмена информацией о политических событиях и решениях, – пишет Ольга Эпштейн, – адресанты используют свой личный профессиональный опыт, проявляют авторскую индивидуальность как в отборе фактического материала, так и языковых средств его организации”¹², среди которых особый научный интерес, на наш взгляд, представляют лексические модификаторы значений ситуативной модальности (возможность, необходимость, желательность), выражающих соответствующие аксиологические категории и выполняющих поэтому важную оценочную функцию. Обращение же к сопоставительному анализу на материале продуктов политической коммуникации двух стран „позволяет отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу”¹³, что благоприятствует „лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности”¹⁴.

Как показал контекстуальный анализ фактического материала, наибольшей частотностью характеризуются экспликатеры модального значения необходимости (в русских текстах – 65% от общего числа экспликатеров ситуативной модальности, в литовских – 55%), среди которых ведущее место занимают русский предикатив *должен* ‘обязан; вынужден, принужден’¹⁵ и эквивалентный ему в своем модальном значении литовский глагол *turėti* ‘иметь’; ‘быть должным (обязанным); долженствовать’¹⁶. Ср.: „В конечном счете заработная плата *должна*

¹¹ Т.В. Романова, *op. cit.*, с. 164.

¹² О.В. Эпштейн, *Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса*, „Филологические науки. Вопросы теории и практики”, Тамбов 2008, № 2(2), с. 152.

¹³ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Современная политическая лингвистика*, Екатеринбург 2006, с. 27.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Словарь русского языка: В 4 т.*, Москва 1981–1984, т. 1, с. 423.

¹⁶ A. Lyberis, *Lietuvių – rusų kalbė šodienas*, Vilnius 2008, с. 868.

платиться не за факт принадлежности к определенному учреждению, а за реальный вклад в науку, образование, здравоохранение, культуру, в оказание обществу и гражданам конкретных услуг” (Владимир Путин 2012); „Stabilizavę valstybės finansus, turime sutarti dėl ekonomikos variklio – verslo skatinimo” (Dalia Grybauskaitė 2012). Меньшим числом реализаций характеризуются модификаторы модального значения возможности (в русских текстах – 30%, в литовских – 25%), где доминантой выступают глаголы *мочь*: ‘быть в состоянии, в силах что-л. делать’, ‘иметь возможность что-л. делать’; ‘быть способным, уметь что-л. делать’¹⁷ и *galėti* ‘мочь, быть в состоянии; иметь возможность’¹⁸. Ср.: „В условиях внешнеполитической нестабильности полную и безусловную гарантию безопасности нашей страны *может дать* только наличие высокоэффективных Вооруженных сил, отвечающих требованиям XXI века и соответствующих статусу великой державы” (Сергей Миронов 2012); „Reikalausiu, kad antras Ignalinos atominės elektrinės blokas nebūtų uždromas iki to laiko, kol *gali saugiai dirbti*” (Valentinas Mazuronis 2009). Периферийное положение в политическом тексте занимают экспликативные модальные значения желательности (в русских текстах – 5 %, в литовских – 20%), что „объясняется особенностью модальной семантики желательности, связанной с сугубо личной, внутренней природой факторов, детерминирующих возникновение ситуации желательности”¹⁹. Центральную часть микрополя желательности занимают собственно модальные глаголы, в качестве доминанты среди которых выступают русский глагол *хотеть* ‘испытывать желание, охоту к чему-л.’, и ‘стремиться к осуществлению чего-л.’, ‘иметь намерение (делать что-л.)’²⁰ и литовский – *norėti* ‘желать, хотеть’²¹. Ср.: „Я *хочу построить* настоящее будущее России вместе с вами” (Михаил Прохоров 2012); „Pirmiausia *noriu padėkoti* visiems kas padėjo savo parašus ir draugiškai prisidėjo prie organizacinio darbo, kad šiandien galėčiau dalyvauti rinkimuose ir siekti Lietuvos Respublikos Prezidento posto” (Valdemar Tomaševski 2009).

Применительно к политическому тексту можно говорить о том, что используемые авторами экспликативные ситуативной модальности, актуализирующие представления различных политических партий об

¹⁷ *Словарь русского языка...*, т. 2, с. 305.

¹⁸ А. Lyberis, *op. cit.*, с. 185.

¹⁹ А.И. Ткаченко, *op. cit.*, с. 14.

²⁰ *Словарь русского языка...*, т. 4, с. 622.

²¹ А. Lyberis, *op. cit.*, с. 447.

идеальном государственном устройстве и раскрывающие видение перспектив развития государства и общества, являются ведущим средством реализации авторских коммуникативных стратегий, среди которых релевантными представляются выделяемые американскими исследователями²² стратегии атаки, защиты, продажи, игнорирования, перехвата инициативы, создания псевдособытий, позиции „над схваткой”, критики деятельности оппонентов, призыва к переменам, подчеркнутого оптимизма, выступления в защиту традиционных ценностей и др.

Рассмотрим примеры функциональной реализации ядерными экспликаторами ситуативной модальности коммуникативных стратегий участников политических кампаний.

Как указывалось нами выше, центральное положение среди экспликаторов ситуативной модальности в русских и литовских политических текстах занимают модальные модификаторы необходимости, в частности, предикатив *должен* и глагол *turėti*. При этом стоит отметить особенность употребления *turėti*: широко функционируя в литовском языке как лексически однозначный глагол со значением ‘иметь’, в сочетании с зависимым инфинитивом он способен выполнять также функцию модального экспликатора значения долженствования. Такое „присутствие” данного значения в семантической структуре глагола с общим значением ‘иметь’, по наблюдениям Любови Дроновой, „явление, исторически оправданное, отражающее, вероятно, этап развития этноса, связанный с процессом имущественного расслоения общества, формированием частной собственности [...] когда обязательства, долг возникали как следствие проступка, причинения серьезного ущерба, как оборотная сторона владения / обладания”²³. В ходе анализа нами было установлено, что модальные экспликатеры *должен* и *turėti* в большинстве случаев зафиксированы при реализации коммуникативной стратегии *призыва к переменам*, тематической доминантой которой является требование серьезных изменений политического курса или методов решения назревших проблем. Ср.: „Мы должны изменить само государство, исполнительную и судебную власть” (Владимир Путин 2012); „Россия должна перестать быть аутсайдером мирового процесса, а напротив,

²² M. Martel *Political campaign debates: images, strategies, and tactics*, New York 1983, с. 62–63; J. S. Trent, R.V. Friedenberg, *Political campaign communication: Principles and practices*, New York 1983, с. 89–121.

²³ Л.П. Дронова, *Когнитивный аспект истории модальности необходимости*, [в:] *Модальность в языке и речи...*, с. 272.

стать образцом, «хэдлинером» цивилизованного мира» (Михаил Прохоров 2012); „Šiandien, kalbėdami apie saugų gyvenimą, *turime galvoti ne tik apie karinį, bet ir apie energetinį, ekonominį, informacinį, socialinį, finansinį ir urač apie kibernetinį saugumą*” (Dalia Grybauskaitė).

Особая манипулятивность модального модификатора *должен*²⁴ определяет его функционирование также в качестве актуализатора ведущей стратегии российской политической коммуникации, описывающей речевые действия коммуникантов с точки зрения их отношения к предыдущим / следующим речевым действиям политического соперника – *стратегии атаки*, что усиливает агрессивную направленность аргументов коммуниканта против позиций личности или кампании его оппонента. Ср.: „Россия *должна оставаться* активным участником глобальной борьбы с международным терроризмом. Я убежден в необходимости переноса акцента с преимущественно военных мер на организационно-политические меры. Они *должны быть направлены* на устранение питательной среды терроризма” (Сергей Миронов 2012); „ЛДПР уменьшит количество миллиардеров и мультимиллионеров в 20 раз. Доходы государства *должны равномерно распределяться* между его гражданами. Хочешь иметь много денег? Работай, а не воруй из бюджета страны” (Владимир Жириновский 2012); „Никаких дармоедов Россия больше *кормить не должна*” (Владимир Жириновский 2012). Литовские же политические лидеры по большей части исключают из арсенала средств борьбы за власть агрессивный прием атаки. Стремясь избежать конфликты в поликультурном обществе, они используют не нацеленную против речевых действий политического противника коммуникативную *стратегию продажи*, которая осуществляется преимущественно путем использования модального оператора *galėti*, эксплицирующего в исследуемом нами текстовом материале частное значение объективной возможности ‘иметь возможность выполнить действие’, связанное с внешними по отношению к субъекту условиями и объективными причинами, благодаря чему

²⁴ Этот факт, по-видимому, обусловлен тем, что среди компонентов, определяющих модальную семантику данного предикатива, отчетливо выделяется сема ‘долг’: согласно этимологическим данным *должен* восходит к слав. *dъlgъ, который характеризуется исходной терминологичностью, изолированностью, функционально-семантическими особенностями. В текстах XII–XIII вв. др.-рус. *dъlgъ*, *долгъ* имеет значения ‘взятое или данное займы’, ‘задолженность’, ‘дань’, позднее, в текстах XV–XVI вв., употребляется и в значении ‘обязанность’. Производное *дължънь* продолжает и развивает оба эти значения – *дължънь* как ‘имеющий долги’, ‘платящий подать’ и ‘обязанный (что-л. делать)’, с XIII в. – ‘грешный’, ‘подобающий, надлежащий’, с XV в. – ‘обязательный, неизбежный’ (*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Вып. 4, Москва 1977, с. 301–304).

аргументы выглядят в формально-смысловом плане нейтрально. Ср.: „Uždelsus ir laiku nepriėmus būtinų sprendimų, pasekmes *gali pajusti* [= имеют возможность ощутить – С.В., И.Л.] visos Europos Sąjungos šalys, tai yra 500 milijonų Europos piliečių” (Dalia Grybauskaitė 2013); „Prezidentas *gali įtakoti* [= имеет возможность влиять – С.В., И.Л.] viešojo gyvenimo standartus, taip pat atitinkamą kadro politiką” (Valdemar Tomaševski 2009).

Важно также отметить, что в ходе анализа нами было установлено весьма регулярное употребление префиксального деривата модального глагола *мочь* – модификатора *смочь* ‘оказаться в состоянии сделать что-л.; получить возможность сделать что-л.’²⁵, основными эквивалентами которого в литовском языке выступают глаголы *pajėgti* ‘быть в силах, в состоянии; смочь/мочь’²⁶, *įstengti* ‘смочь/мочь; быть в состоянии, в силах’²⁷, *išgalėti* ‘быть в силах, в состоянии; смочь/мочь’²⁸. Однако в исследуемых литовских политических текстах указания на неблагоприятные условия, которые президенту (или кандидату в президенты) придется преодолевать, совершая определенное политическое действие, эксплицируются преимущественно глаголом *sugebėti* ‘суметь / уметь; быть способным’²⁹. Наличие в компонентной структуре указанных модальных операторов семы сверхнормативного приложения усилий определяет их функционирование при реализации коммуникативной *стратегии подчеркнутого оптимизма*: политик не может не обещать, что он сумеет обеспечить людям лучшее будущее. Ср.: „Каждый из вас будет обеспечен достойным жильем. Семьи с низкими доходами получают его бесплатно. Остальные *смогут приобрести* жилье в кредит по ставке не более 5% годовых” (Геннадий Зюганов); „Vyriausybė iš esmės apsisprendė dėl viso paketo svarbių energetikos projektų. Tačiau už šalies energetinę ateitį, atominės energetikos plėtrą atsakingos visos politinės jėgos. Todėl būtinas galutinis apsisprendimas ir platus politinis sutarimas, nes šiuos projektus įgyvendinti reikės kelioms politinėms kadencijoms. Reali politinė ir ekonominė nepriklausomybė ámanoma, tik jeigu pradėtus darbus *sugebėsime užbaigti* naudingai Lietuvai” (Dalia Grybauskaitė 2012).

Что же касается экспликаторов желательности *xotetb* и *norėti*, обладающих обобщенностью модального значения и достаточной

²⁵ *Словарь русского языка...*, т. 4, с. 159.

²⁶ А. Lyberis, op. cit., с. 502.

²⁷ Ibidem, с. 252.

²⁸ Ibidem, с. 263.

²⁹ Ibidem, с. 756.

прозрачностью внутренней формы, то они зафиксированы преимущественно при актуализации коммуникативной *стратегии выступления в защиту традиционных ценностей*. Характерная психологичность указанных модальных операторов в процессе провозглашения политиком нравственных устоев общества и семьи обеспечивает поддержку широкого круга избирателей, обеспокоенных ростом преступности в различных слоях общества и структурах власти. Ср.: „Мы выбираем настоящее будущее, так как *хотим жить* и быть счастливыми в своей стране, *хотим работать, строить, совершать* открытия и прорывы в науке и искусстве для ее блага” (Михаил Прохоров); „Susitvarkyti reikalus be kyšio bus įmanoma, tik jeigu patys *norėsime veikti* sąžiningai. Lietuvos daugumą sudaro sąžiningi ir kantriai dirbantys žmonės” (Dalia Grybauskaitė 2012).

Таким образом, проведенный анализ позволил, как нам представляется, выявить важную роль ситуативной модальности в построении важнейших конструктивных элементов русского и литовского политического текста с его стилистической неоднородностью и своеобразием авторских интенций. Кроме того, проведенный сопоставительный анализ позволяет установить общие типологические черты и специфические внутриязыковые особенности в характере функционирования ядерных модальных модификаторов, приобретающих в рамках политического текста отчетливый субъективно-оценочный характер. Так, центр микрополей ситуативной модальности образуют модальные операторы, характеризующиеся емкостью модальной семантики и высокой частотностью. В русском языке это предикатив *должен*, глаголы *мочь* и *хотеть*, в литовском языке – глаголы *turėti*, *galėti*, *norėti*. Идеотнические же особенности в функционировании модальных экспликаторов ситуативной модальности связаны с наличием значительно большего числа реализаций в литовских текстах модального значения желательности, выражающего внутреннее состояние, чувства и переживания автора-политика, что определяет общее повышение субъективно-модальной тональности и снижение манипулятивного фона литовского политического текста. Данный факт, по всей видимости, можно объяснить этнокультурной традицией, основанной на принципах политической корректности и толерантности.

Streszczenie

*Tekstotwórcza rola wykładników modalności
w rosyjskim i litewskim dyskursie politycznym*

Na podstawie rosyjskich i litewskich prezydenckich programów, artykułów, przemówień przedwyborczych autorki wyróżniają centralne wykładniki modalności, potwierdzające ich rolę jako kluczowych komponentów tekstotwórczych w tekstach politycznych.

Summary

*Text function of explicators of situational modality in the Russian
and Lithuanian political discourse*

The central explicators of situational modality are revealed on the basis of the Russian and Lithuanian presidential election programs, articles and references. The analysis proves the role of situational modality as a key component of text generation in political texts.

Key words: modality, situational modality, explicators of situational modality, the Russian language, the Lithuanian language, political discourse.